

Виктор
АСТАФЬЕВ

Васюткино озеро

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 91

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

Астафьев В.

А 91 Васюткино озеро : рассказы / Виктор Астафьев. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 576 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-30509-0

Сборник составили рассказы Виктора Астафьева разных лет, пронизанные любовью к Родине, большой и малой, во многом автобиографичные, невыдуманные, растущие из самого сердца. Рано повзрослевшие дети военной поры, трудная деревенская жизнь, не самая ласковая, но до боли прекрасная природа Сибири — все, о чем так искренне и нежно писал Виктор Астафьев, жило в нем самом, было неотъемлемой частью его судьбы и личности.

Писатель родился неподалеку от Красноярска, в суровом таежном краю, в Великую Отечественную воевал на передовой, несколько раз был тяжело ранен. После войны сменил много профессий, но всегда стремился выразить в слове то, что волновало душу. А волновала его судьба родной земли, ее детей, ее лесов, рек и озер.

Виктор Астафьев — признанный мастер «деревенской прозы», его рассказы — о детстве, о войне, о природе — полны благодарности за возможность жить и видеть красоту своей страны, принадлежать своему народу и разделять его беды и радости.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© В. П. Астафьев (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30509-0

ЗЕМЛЯНИКА

Подружились Ваня и Нюра с дядей Соломиным давным-давно. В ту пору они еще и в школу не ходили. Чуть не каждый день бывали ребята у реки, бежали, играли, зарывались в песок и порой купались на неглубоких местах. Особенно интересно было им наблюдать за рыбаками. Их собиралось столько, что всем не хватало рыбы, и многие, просидев бесплодно полдня, а то и больше, уходили домой ни с чем. С рыбаками было интересно: иногда они рассказывали ребятам о счастливых уловах и о таких здоровых рыбаках, что Ваня и Нюра замирали от удивления. Но рыбы эти почему-то всегда срывались.

Однажды на берегу появился незнакомый рыбак в военной, немного поношенной форме без погон. У него тоже не клевало. Рыбак скучал и сидел неподвижно, уставившись взглядом куда-то вдаль. Он не видел, как требовательно начал нырять похожий на китайское яблочко поплавок и настойчиво закачалась вершинка удилица. Ребята не выдержали, подскочили и, задышавшись, прошептали разом:

— Дяденька, клюет!

Рыбак вздрогнул и, оглядываясь по сторонам, растерянно спросил:

— А? Что?.. — Он опомнился и дернул удилице. Окунь, оцетинившись, пролетел в воздухе, но от по-

спешного рывка сорвался и запрыгал в траве около самой воды. Ваня не растерялся и плюхнулся на окуня животом.

Рыбак долго держал в руках зеленоватого горбача, сердито дрыгающего хвостом, и, блестя глазами, приговаривал:

— Ах, красавец! Силен, силен! Кэ-эк он сиганул, а? — потом поглядел на улыбающихся ребят и торжественно, словно награду, протянул им окуня: — Нате, держите! За находчивость!

Так завязалась дружба.

С того памятного дня прошло несколько лет. Ребята стали школьниками, сами рыбачить научились. Ивана Павловича они по старой привычке зовут дядей Соломиным. Он называет Нюру пичужкой, потому что у нее острый носик, круглые глаза, и хоть заплетает она волосы в куцые косички, все равно на лбу торчит хохолок, который делает ее действительно похожей на птичку. А Ваня — крепкий, лобастый, упрямый, и дядя Соломин величает его тезкой. Мама ребяташек, Надежда Николаевна, говорит, что и видом, и характером Ваня похож на отца. Но правда ли это — Ваня не знает: он был еще маленьким, когда отец ушел на войну. Потом с фронта пришло письмо, которое мама до сих пор хранит в ящичке, перечитывает и плачет.

Ваня на год старше Нюры и на голову выше ростом. Учатся они в разных классах и тоже по-разному: Нюра — на пятерки, а у Вани арифметика хромает. И старается он одолеть эту самую арифметику, да терпения маловато.

Услышал Ваня однажды, что есть такие люди, с которыми бейся не бейся, а раз не даются им точные науки — толку не будет. И поэтому сказал маме: «Не стоит голову ломать над тем, что в нее не лезет».

Но на веский Ванин довод мама ответила: «Я вот возьму ремень да всыплю тебе в определенное место — сразу, как по маслу, пойдут у тебя и точные и неточные науки».

Мама, она, конечно, человек хороший, пожалуй, лучше всех на свете, но понять Ваню не может. Вот дядя Соломин — тот сразу догадался, в чем дело, и сказал Ване: «Э-э, друг, ты соображать ленишься, пользуешься тем, что легко дается. Так дело не пойдет!» И начал приучать Ваню соображать.

Иван Павлович работает ревизором на пассажирских поездах и заочно учится в железнодорожном институте. Однако как-то умудряется выкроить время и для ребят: иногда в лес по ягоды с ними ходит, а то на рыбалку с собой возьмет. Нюра, конечно, рыболов так себе, прямо надо сказать — никудышный, не то что Ваня. Но ей тоже интересно бывать с дядей Соломиным. Уж очень много знает он сказок и умеет лепить из глины такие игрушки, каких даже в магазине не сыскать. Жаль только, что про войну и про свои геройские дела он мало рассказывает. Но Ваня и Нюра знают почему: во-первых, он скромный, а во-вторых, в войну у него погибли жена и маленький сын, Славик.

Нюра любит наблюдать за Соломиным, когда он занимается с Ваней. Решает он, решает с Ваней задачки и неожиданно спросит:

— О чем сейчас думаешь?

Ваня растеряется и не знает, что ответить.

— Да так... обо всем...

Нюра прыснет со смеху, Ваня незаметно покажет ей кулак, а дядя Соломин скажет:

— А ну-ка, почтенный тезка, спускайся с небес и вникай в суть задачи.

Ваня нехотя «спускается с небес», где он только что летал на разных ракетопланах до самой луны, и начинает заниматься скучнейшим делом на свете — решением задач.

Арифметика все-таки пошла на лад. Зимой, в день рождения Вани, Иван Павлович подарил ему книгу про Миклуху-Маклая и коробку конфет.

Ваня пять дней подряд читал подаренную книгу и за это время сумел получить три двойки. Мама сильно рассердилась и пошла к Соломину, которого считала виновником всего.

О чем они там говорили — неизвестно, но возвратилась Надежда Николаевна совсем не сердитая и с этих пор была особенно ласкова и даже нежна с ребятами. Теперь Надежда Николаевна знает: коль нет их дома, значит у Соломина.

— А непоседы мои опять к родне отправились, — иногда говорит она соседям. — Ну прямо хоть призывай! И чем он их приворожил?

Соседи-просмешники шутят над ней:

— Соломин петушиное слово знает. Смотри, Надежда Николаевна, как бы он и тебя не приворожил!

Надежда Николаевна покраснеет и только отмахнется от шутников.

Если бы ребятам кто-нибудь сказал, что дядя Соломин не родной им человек, они бы, пожалуй, не поверили. И радостью, и детской бедой они привыкли делиться с ним.

Вот и сегодня после утренника в школе ребята спешат к дяде Соломину, потому что мама еще на работе и дома никого нет. Впрочем, спешит только Нюра: в табеле у нее за весь учебный год сплошь пятерки, а Ваня плетется позади. У него по арифметике получилась только тройка. Ну что ты поделаешь —

не везет человеку! И кто эту арифметику придумал? Уж Ваня ли не старался? Одно утешительно — учительница говорит, что эту тройку можно считать с плюсом. Но все равно мама будет недовольна, ругать начнет, а дядя Соломин, может, и ничего не скажет, но все-таки нехорошо получается, с тройкой-то...

Хозяйка, у которой снимал комнату Иван Павлович, встретила их со слезами:

— Нету, детки, Ивана Павловича, в больнице он, ногу ему повредило...

— К-как повредило? Где? — оторопели ребята.

— В поездке вчера. Пассажир какой-то, подвыпивший должно быть, упал между вагонами, поймался за скобу и орет. Павлыч-то и полез человека спасать. Выручил пассажира, а самому ногу и придавило. — Хозяйка высморкалась в передник. — Ходила я в больницу. По разговорам фершалов получается, что худы дела у Павлыча, отрежут ему ногу, — хозяйка черкнула ребром ладони повыше своего колена, — вот до сих пор и отпласнут...

Низко опустив головы, ребята ушли на берег и уселись под тополями, которые, радуясь наступившему лету, пустили в небо свежие зеленые стрелы. Ваня выводил пальцем на песке любимую цифру — пятерку, а Нюра сквозь слезы смотрела на заречный лес.

— Вань, а земляника поспела? — вдруг тихо спросила она.

— А я откуда знаю? Не до земляники сейчас.

— Ты не сердись. Я это вот к чему. Если поспела — поплывем за реку, наберем и дяде Соломину отнесем...

— Нюрка! — загорелся Ваня. — Ух и голова у тебя!

В проходной будке больницы дежурил низенький курносый дед, щеголявший, невзирая на жару, в подшитых валенках, в шапке и ватной фуфайке. Вид у него был строгий, как у начальника.

— На передачу опоздали, — заявил он тоном, не допускающим возражений, — а свиданки разрешаются по воскресеньям да по средам с двух до шести.

Ребята принялись упрашивать деда, хитрить, даже земляники немного предлагали, но дед твердо стоял на своем посту и на ягоды не соблазнился. В конце концов дед разозлился и прогнал их. Ваня погрозил кулаком захлопнувшейся двери будки, а Нюра бойко крикнула:

— По-оду-у-маешь, начальник какой, а мы все равно пройдем к дяде Соломину!

Дед не удостоил их ответом.

Пришлось терпеливо ожидать кого-нибудь из других работников больницы. Ждали долго, истомились... Ваня отправился искать дырку в заборе, чтобы пролезть в больничный двор, но в это время к воротам подкатила «победа».

По тому, как засуетился дед, ребята поняли, что приехало начальство. Они подскочили к машине и наперебой закричали:

— Мы к дяде Соломину, разрешите, дяденька?

Из машины выглянул тучный мужчина с бритой головой. Строго сдвинув седые брови, он совсем не строгим тоном обратился к деду:

— Федотыч, что за шум?

Федотыч встал «во фронт» и доложил:

— Непорядок, товарищ главврач, пострелята в больницу прут, а сегодня свиданок не положено...

Нюра не дала Федотычу договорить и так затараторила, что дед недовольно смолк.

Главврач с любопытством посмотрел на стакан земляники в Ваниных руках и удивленно воскликнул:

— Уже земляники набрали, ну и ну!

Взял одну ягодку, осмотрел ее со всех сторон, бросил в рот.

«Ишь, какой, даже не спросил... Думает, начальство — так что угодно брать можно, — с неприязнью глядя на врача, подумал Ваня. — Этот, наверно, и хочет отпласнуть ногу дяде Соломину».

Врач раздавил ягодку языком, причмокнул от удовольствия.

— Ты, герой, и ты, щебетуха, — кем вы приходитеесь Ивану Павловичу?

Нюра растерялась:

— Ну кем... кем... — Но тут же нашлась и выпалила: — Мы лучшие его друзья. Вот!

— А-а, лучшие друзья, — понимающе протянул врач, — тогда, Федотыч, ничего не поделаешь, придется пропустить. Нарушить правило во имя дружбы — не грех.

— Непорядок это — правила нарушать. Землянику, в крайнем случае, передать можно, — буркнул дед.

— Ничего ты, Федотыч, не понимаешь в землянике. Целебные свойства есть в ней, — сказал главврач и, озорно сверкнув глазами, скомандовал: — В машину, друзья-гвардейцы, подвезу...

И вот они, заплетаясь ногами в полах длинных халатов, идут следом за медсестрой по больничному коридору. В нос ударяет густой запах лекарств, кругом тишина и чистота. Стакан с земляникой, потонувший в длинном рукаве халата, прилипает к потной Ваниной ладони.

Робко вошли они в палату. В ней тоже тихо, бело, поэтому удивительно красиво выглядят на окнах

живые цветы. Больные лежат на кроватях, тихо переговариваются. Двое сидят на постели и сражаются в шахматы.

— А где же наш дядя Соломин?

Медсестра подошла к кровати, на которой лежал, закрывшись с головой одеялом, какой-то человек, и, тронув его за плечо рукой, сказала:

— Больной, к вам пришли.

Человек откинул одеяло:

— Ко мне? Кто может ко мне прийти?

Ребята замерли, пораженные — так изменился дядя Соломин. Только позавчера были у него светлые волнистые волосы, а сейчас голова голая, стриженная, от этого лицо кажется продолговатым и уши как-то странно торчат. Но самая разительная перемена в глазах. Нет той ласковой усмешки, которая часто искрилась в них, нет и грусти. Глаза Соломина словно стекляшки — ровные, безразличные.

Преодолевая робость, ребята двинулись к его кровати, с радостью замечая, что под тонким одеялом — обе ноги. Нюра задрожавшим голосом сказала:

— Это мы пришли, дядя Соломин... Мы... я и Ваня.

— Ах, вот кто ко мне пожаловал, — попытался улыбнуться Иван Павлович, с трудом потянулся с кровати и подвинул табуретку. — Садитесь, ребятки.

Ваня и Нюра чинно уселись рядышком.

— Ну, как дела?

— Все на пять, — почему-то шепотом ответила Нюра.

— Тройка по арифметике, — проямлил Ваня, угрюмо глядя в распахнутое настежь окно.

— Как же ты это подкачал, тезка?

Ваня только вздохнул.

Иван Павлович потрепал Ваню по плечу:

— Ничего, тезка... не горюй...

Нюра толкнула Ваню под бок и повела глазами на рукав халата, где хранился стакан с ягодой.

— Это... вот... дядя Соломин, вам, — неловко предложил Ваня подарок.

Иван Павлович как замороженный протянул руки к стакану.

— Земляника! — прошептал он и возбужденно крикнул на всю палату: — Товарищи, ребята землянику принесли!

— Да ну! Неужели поспела?

— Факт налицо! — Иван Павлович поднял стакан так, чтобы все видели. — Угощаю первой ягодой! Нюра, надели всех.

Он сунул ей ложечку, и она пошла по палате, насыпая землянику в ладони больных. Как величайшую драгоценность, принимали ягоду больные, подолгу рассматривали ее, вдыхали аромат и растроганно благодарили:

— Ай, спасибо, детки, вот удружили, вот обрадовали...

— А я думаю: откуда это лесом, земляникой потянуло? — говорил Иван Павлович. — Мерещится, думаю, с тоски, а тут, оказывается, первооткрыватели ягодного сезона явились... Ну а вы сами-то почему не пробуете? Берите!

Нюра взяла две ягодки, а Ваня заявил:

— Ел, ел, аж опротивели.

— Тезка, не ври. Сколько раз я тебе говорил, что вранье — последнее дело.

— Я и не вру.

— Нет, врешь. Это первые ягоды, и в такую пору полный стакан набрать не так просто. Уверен, что вы только зеленцом пробавлялись. Правду я говорю, пичужка?

— Правду.

Ваня сконфузился, метнул сердитый взгляд на сестру и взял щепотку ягод.

Иван Павлович откинулся на подушку, полюбовался ягодами, положил одну из них в рот и блаженно закрыл глаза.

— Хороша! — восхищенно сказал он.

Она была самой его любимой ягодой, эта земляника. Неприхотливая красавица, в траве она растет крупная, налитая. Отыщешь кустик, внизу на нем висит, как маленький бочоночек, ягодка на зеленой звездочке, а повыше — другая, остроносая, с белым боком. Еще выше — совсем маленькая и желтенькая ягодка. И на самой вершинке из травы выглядывает беленький цветочек. На припеке земляника мельче. Здесь, точно багряный ковер, расстилаются по сухой земле красные земляничные листья, а сами ягодки — с золотыми крапинками.

— Хороша! — повторил Иван Павлович. — Не знаю, как я теперь в лес с вами пойду, — добавил он и взглянул на свою неподвижную ногу.

— Да это ерунда, дядя Соломин, — горячо заговорил Ваня. — Вон у Витьки Артамоненки отец на деревьяшке и рыбачить, и охотничать ходит, а у вас обе ноги... — Увидев, что лицо у Ивана Павловича померчнело при упоминании о деревьяшке, Ваня запальчиво спросил: — Вы, может, не верите, что на деревьяшке и рыбачить, и охотиться можно? Еще как можно! Вот свожу вас к Витькиному отцу, все вместе рыбачить станем... А с ним какой случай случился, с Витькиным-то отцом, — захлебываясь, продолжал Ваня. — Пошли они, Витька с отцом и еще один парнишка. Взяли бредень...

— На деревьяшке — и с бреднем? Ты что-то, тетка, того, перехватил...

— Не верите?

— Он правду, правду говорит, — подтвердила Нюра.

— И что же дальше? — с интересом спросил Иван Павлович.

— Ну вот, пошли они, бродили-бродили, рыбы поймали, уху сварили, наелись и спать легли. Витькин отец деревяшку отвязал и к огню сушить положил, а ночью и загорись у него тужурка на спине. Артамоненко как заорет, ребята перепугались спросонья — и бежать. Он цап-царап, деревяшка отвязана, а тужурка на все пуговицы застегнута. Расстегивать некогда, и ребята удрали, а спину жжет. Но Артамоненко не растерялся, запрыгал на одной ноге к реке — и бултых в воду во всем...

В палате хохотали, смеялся от всей души и Соломин.

— Значит, пацаны наутек, а он бултых в воду? О, чтоб вам...

Лежавший в углу больной держался за живот обеими руками и радостно взвизгивал:

— Ой, уморили, ой, швы разойдутся...

Иван Павлович вытер краешком простыни выступившие от смеха слезы и, отдышавшись, сказал:

— М-да-а, вообще-то, смешного тут мало. Да что с вас спросишь — ребятишки вы и есть ребятишки. Ну ладно, с этим Витькиным отцом вы меня обязательно познакомите. А сейчас бегите домой... Еще вот что: в следующий раз принесите мои книги, а то я занятия забросил. — Иван Павлович прижал детей к своей широкой груди, отпустил и сказал: — Ну, бегите, бегите... дорогие.

Ребята направились к двери, но в палату вошла Надежда Николаевна. Они остановились, удивлен-

ные и обрадованные. Надежда Николаевна немного смутилась и, торопливо завязывая тесемки на рукаве халата, проговорила:

— Заболтались вы здесь. Я уж вас потеряла.

— Добрый день, Надежда Николаевна, — радостно улыбаясь, приподнялся на кровати Соломин.

— Здравствуйте, здравствуйте, Иван Павлович. Я на минуточку, вон за чадами, ушли и ушли, — будто оправдываясь, сказала Надежда Николаевна и положила на тумбочку небольшой сверток. — Что это на вас за напасти?

— Да вот, видите, угораздило...

Ребята были очень довольны тем, что и мама догадалась прийти проведать дядю Соломина. Им захотелось идти домой. Оба приготовились слушать, о чем же будут говорить мама и дядя Соломин. Но разговор оказался неинтересным: о самочувствии Ивана Павловича, о том, как кормят в больнице, о домашних делах Надежды Николаевны. Словом, о всяких пустяках. Только непонятно, почему об этих пустяках они — мама и дядя Соломин — говорят с воодушевлением и в глазах обоих — радость... И ребятам вдруг тоже почему-то стало еще радостнее.

— Нюр, глянь, — шепнул Ваня сестре и показал на больного, который, полулежа в постели, с интересом читал книгу. — Усы как у Чапая. Такие же закрученные.

— Подойдем? — предложила Нюра.

Усач, увидав подошедших ребят, отложил книгу.

— Так, значит, попевает земляника? — с добродушной улыбкой спросил он. — Ну и много ее нынче? Здорово, поди, цветет?

— Белым-бело, дяденька, особенно на бугорках, только вот спелых ягодок еще мало.

— Рановато. Вот с недельку пройдет, тогда она дозреет. Земляника солнце любит. На солнышке-то она наливаются не по дням, а по часам...

— Ничего страшного, Иван Павлович, — донесся до ребят голос мамы, — у нас инвалидам почет, а вы поправитесь, и все будет хорошо. Вы вон какой сильный и... умный...

— И на малину урожай хороший должен быть, — продолжал усач. — В Масленицу снег здорово валил.

— А если в Масленицу снег здорово идет, то от этого малины много бывает? — с интересом спросила Нюра.

— Примета такая. Есть и другие приметы. Как, например, угадать назавтра погоду, знаете? Если вечером на небосводе заря красная, то завтра жди ветер, а если на горизонте густые облака и солнце садится за них — то завтра, верняком, будет дождь, да мелкий-мелкий, такой нехороший, надоедливый. Еще есть, ребята, лесные приметы. Заблудишься в лесу, а приметы и помогут обязательно выбраться.

Это было интересно. Ваня и Нюра все свое внимание сосредоточили на том, чтобы запомнить приметы.

А Иван Павлович с Надеждой Николаевной всё говорили и говорили.

Бывает так: пройдет лесной пожар и начисто слизнет ненасытными языками все живое на пригорке. Стоит пригорок, маячит, весь черный, неприветливый. Но проходят года. Ветер наносит на пригорок семян с окружающего леса, щедро посеет их на черную, потрескавшуюся землю. И глядишь, весной после обильного дождика настойчиво пробиваются изпод черных пней и уродливых валежин бледные, но упрямые ростки и настойчиво тянутся к солнцу. Скромно укрывшись от глаз, между узловатых кор-

ней начинает наливаться и зреть первая ягода — земляника. И зацветает пригорок вновь! Будут шуршать на нем молодые кудрявые березки; от утреннего прохладного ветерка затрепещут листья на робких осинках; приподнимется на гибких ветвях колючий малинник, празднично зарозовеет кипрей, крепко уцепятся за землю молодые лапчатые пирамидки пихт и елочек.

Все это, радуясь простору, будет тянуться к солнцу, разрастаться так, что сразу и не пробраться сквозь густо сплетенные кусты, травы, цветы. И только внизу, укрытые от глаз, еще долго будут лежать, напоминая о пожарище, обгорелые валежины, но и они со временем сгниют, развалятся, уступив место свежей, молодой поросли...

— Ну вот что, ягодники, — сказал усач, рассказав о всех приметах, которые знал. — Отправляйтесь-ка домой, сейчас у нас главврач с обходом пойдет.

— Идите, идите, — сказала и мама. — Я сейчас. Я догоню вас.

Ребята помялись немного у двери: нельзя ли еще минутку побыть в палате? Но никто их не задержал. Они вздохнули и вышли.

По коридору расхаживал главврач, заложив руки за спину.

— Ну как, друзья-гвардейцы, повидались с дядей Соломиным?

— Повидались, спасибо, — ответила Нюра и, помедлив, спросила: — Дядя доктор, ногу ему будете отрезать или нет?

— Хм... Это зависит от того, как вы его земляникой подкармливать будете.

— Земляникой! — обрадовался Ваня. — Да мы каждый день в лес ходить станем и рыбы наудим,

он еще рыбу любит, только вы не режьте ему ногу. Ладно?

— Постараемся, друзья-гвардейцы, постараемся сохранить вашему дяде ногу, — взъерошив волосы на головах ребят, вздохнул главврач и пошел в палату, из которой они только что вышли.

Во дворе Ньюра остановила брата и предложила:

— Вань, давай всех ребят с нашей улицы сговорим за земляничкой? Много в больницу принесем.

Ваня постукал пальцем по голове и серьезно проговорил:

— Крепко у тебя тут, Ньюрка, варит...

Дед в проходной хотя и бурчал, но встретил их сейчас совсем по-иному:

— Пронырнули все-таки, пострелята!.. Ладно уж, ходите, особая вам статья, товарищ главврач велел пропускать вас беспромедлительно.

Ребята поблагодарили деда и пошли вначале медленно, но потом, не удержавшись, припустили во весь дух. Под белыми воротничками от быстрого бега у них трепетали галстуки цвета спелой земляники.

ОГОНЬКИ

Я с папой и мамой пять лет назад уехал в город, потому что настала мне пора учиться. А дедушка не захотел уезжать. Конечно, какой ему интерес в городе, если он всю жизнь проработал бакенщиком у Караульного переката, знает там каждый камешек и реку любит? Вот я — это другой разговор. Мне в городе интересно, да и то больше зимой, когда в школе учусь. А летом меня всегда тянет к дедушке, в белую избушку на берегу реки. Там я родился и жил до семи лет, туда и теперь уезжаю в летние каникулы.

Нынешним летом я решил взять с собою и Андрюшку. Он мне сродни приходится. Не знаю уж кем, шурином или зятем, — неважно я разбираюсь в этой самой родне. Словом, его мать — племянница папиной матери, моей бабушки, которая давно умерла, и я ее не помню. Андрюшка паренек тихий и хилый, оттого что мало ест. Аппетита, говорят, у него нету.

Ну, папа и сказал мне:

— Возьми-ка ты, Серега, с собой Андрюшку. На природе у него сразу аппетит появится. Пусть только дедушка ему почаще весла в руки дает.

И я взял Андрюшку с собой. Мне еще лучше, веселей. Единственное, что умеет делать Андрюшка, — это песни петь. Здорово поет. Затянет что-нибудь, голос у него дрожит точь-в-точь как у артиста. По вече-

рам мы с дедушкой любили слушать его песни. Голос Андрюшки разносится далеко-далеко над рекой, а на той стороне, в горах, немного тише откликается другой Андрюшка. Наш уже перестанет петь, а тот будто убегает и все еще поет. Дедушка ласково гладит Андрюшку по голове и говорит:

— Славно, Ондрюха, славно. Спой-ка еще про бурлаков-то.

Хорошо нам жилось. У Андрюшки и аппетит стал появляться. Дома капризничал, даже пряники есть не хотел, а тут картошку в мундире и уху так наворачивал, что, как говорил дедушка, «только за ушами пицало».

И вдруг дедушка заболел. Мы даже сначала не поверили. Он такой крепкий, совсем не похожий на других дедушек: высокий, сильный, одной рукой на берег лодку вытаскивал. Он и сам не верил, что заболел, только сказал:

— Что-то знобит меня, ребята...

Потом заглянул в старый ящик, весь перепоясанный для прочности жестяными лентами, достал бутылочку, поболтал ее и налил чего-то мутного в стакан. Осушив его до дна, громко крикнул, понюхал корку хлеба, убрал бутылочку в ящик и залез на печь.

— Вот пропотею — и все ладно будет.

Пропотеть-то пропотел, да толку мало. Попробовал дедушка утром спуститься с печки и чуть не упал.

— Гляди-ка ты, на самом деле вроде захворал, — пробормотал он.

Мы струсили, особенно Андрюшка.

— Ой, Серега, вдруг дедушка умрет, что мы тогда одни...

— Типун тебе на язык! — зашипел я на Андрюшку, и он примолк.

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ
ВАСЮТКИНО ОЗЕРО

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ольга Золотова, Анна Быстрова, София Сумарокова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.10.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,38. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның
сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

